

Первая мысль этого пространного опровержения — о том, на какое восприятие со стороны читателя может рассчитывать автор такого «реалистического» произведения: «...не всякий способен вскарабкаться на эти подмостки» [20, с. 317]. Аргументация ожидающей его непопулярности довольно четкая. Произведение может показаться неинтересным («Некоторые считают такое времяпрепровождение как будто ниже своего достоинства» [20, с. 317]) или утомительно трудным («...у других с третьей ступеньки начинается кружиться голова» [20, с. 317]); более того, в нем может исчезнуть для читателя картина жизни, так как преобладание реалистического элемента способно убить эстетическое впечатление («есть, наконец, и такие, что, проходя каждый день мимо этих нагроможденных подмостков, вовсе их не замечают» [20, с. 317]).

Вторая мысль — о том, что делает произведение по-настоящему художественным, о воссоздании в нем вневременного и всеобщего, того, что Новалис назвал «миром и судьбой» — опять-таки на примере «Тысячи и одной ночи»: «Все эти люди ... выведенные в этих сказках, в сущности самые обыкновенные люди, каких мы ежедневно сотнями встречаем в жизни, а так как жизнь в ее глубоких проявлениях всегда остается одна и та же, независимо от колорита места и времени (курс. наш.— Д. Ч.), то потому и люди эти, несмотря на внешнюю разность с нами, а равно и на окружающий их фантастический мир, кажутся нам знакомыми, точно живущими среди нас лицами» [20, с. 317].

Нельзя не заметить, что две мысли в итоге сводятся к одной — к признанию в искусстве правды, состоящей в постижении глобально-человеческого. Обратим внимание: хотя такой вывод появляется в тексте серапионовской «рамки» как ответ Теодору, одному из собеседников, носящему имя автора и во многом его представляющему, именно этим ответом заканчивается беседа, что позволяет рассматривать его как последнее авторское слово в осмыслении проблемы.

Заслуживает внимания еще один момент. В качестве иллюстрации к своим аргументам Гофман не случайно выбрал знаменитый памятник арабской средневековой литературы. Поворот романтизма в его философских исканиях к Востоку хорошо известен. «Для своей философии, мифологии, поэзии романтики искали иных стимулов, чем те, которые мог предложить европейский мир. Рационализму и утилитаризму Запада предшествовала, как они полагали, „чистая духовность“ Востока, призванная вновь оплодотворить западную культуру» [21, с. 101], — пишет П. А. Гринцер. Среди восточных цивилизаций, уточняет исследователь, на первом месте оказывалась индийская. «В памятниках санскритской литературы романтики вычитывали ту гармонию человека с природой, то естественное понимание ее тайнописи и бытийного смысла, которые составляли неперемнную предпосылку любого высокого искусства» [21, с. 103]. На фоне именно такого представления о древнеиндийской поэзии Ф. Шлегель в 1807 г. выделяет другую, которую находит «особенно у арабов и персов» [22, с. 271]. Ее своеобразие «состоит в возвышенной смелости и щедром богатстве и пышности образов наряду со связанной с этим склонностью к аллегории... Древнеиндийские поэтические создания отличаются меньшей образностью» [22, с. 271—272]. В этом строго научном суждении, как и в экспрессивном разборе «Страшного Суда» Микеланджело, сделанном Тиком, речь идет об искусстве, передающем мир не в «светлой ясности» [22, с. 272], как у индийцев, а во всей сложности земного орнамента, имеющего особые правила выполнения. В том, что обоими романтиками было выбрано слово «аллегория», надо видеть не простое совпадение, тем более, что к характеризваемым арабским и персидским книгам Ф. Шлегель присоединяет «некоторые книги Ветхого Завета» [22, с. 271], к которым, как известно, близок по своей тональности Апокалипсис. Не случайно Гофману, не знакомому с санскритской поэзией, но хорошо знавшему сказки «Тысячи и одной ночи» с их влиянием на европейскую литературу, в годы, когда «мир и судьба» становились в понимании романтика все сложнее, пришла на ум эта книга с ее богатством жизненных ситуаций, доходящих до аллегоричности.

Литературный памятник арабского Средневековья в тексте «Серапионовых